Текст · 22 июня 2022, 08:13
Economist,

Ядерное — табу? Как человечество перестает бояться и учится любить атомную бомбу

«Война в Украине вряд ли станет ядерной, — пишет журнал *Economist* в подводке к тексту о размывании "ядерного табу". — Но она повышает риск использования ядерного оружия в будущем». Прожив несколько десятилетий в условиях относительного атомного затишья, мир возвращается к обсуждению границ допустимого, и теперь уже новым поколениям предстоит решать, считать ли ядерные удары неприемлемым способом ведения войны. «Медиазона» перевела этот важный материал, в котором объясняется, почему угрозы применения ядерного оружия сегодня чуть ли не опаснее самих ракет.

В 1999 году политолог из Брауновского университета в США Нина Танненвальд выпустила статью, в которой анализировалось распространенное среди генералов, политиков и политтехнологов «ядерное табу». Она писала, что такое отношение к ядерному оружию не было вызвано его непринятием в целом или какими-то личными моральными установками. По ее мнению, отсутствие ядерных войн в мире после разрушения Америкой Хиросимы и Нагасаки стало не только результатом политики сдерживания, но и следствием укоренившегося ощущения принципиальной неправильности применения такого оружия, что фактически выносило ядерную войну за рамки допустимого.

Нина Танненвальд. Фото: choices.edu

Угрозы ядерных ударов, нередко звучавшие в 1940-х и 1950-х годах, со временем практически исчезли из речей политиков. По мере укрепления табу стремление заполучить ядерное оружие стало считаться признаком варварства. Избегать прямых упоминаний о возможности использования уже имеющихся ядерных зарядов, напротив, стало признаком джентльменского подхода в политике. Если и было во всем этом определенное лицемерие — а оно было, — то ровно в той степени, какую подмечает Ларошфуко: это была дань уважения, которую порок платит добродетели.

Чтобы увидеть, как все эти светские приличия исчезают, достаточно включить государственный телеканал «Россия-1». «Это всего лишь один пуск, Борис, — предупреждал 1 мая ведущий Дмитрий Киселев, — а Англии нет». На случай, если такой намек окажется для британского премьер-министра или для российской аудитории слишком тонким, Киселев кратко обрисовал возможные варианты запуска ракет. Раз — и межконтинентальная баллистическая ракета «Сармат» летит в сторону Великобритании. Два — запущена термоядерная торпеда «Посейдон», способная вызвать цунами с

«экстремальными дозами радиации». «Пройдя над Британскими островами, он превратит то, что от них, может быть, еще и останется, в радиоактивную пустыню, надолго непригодную хоть для чего», — с энтузиазмом вещал Киселев.

И это не что-то из ряда вон выходящее. «Российские власти действительно этим бравируют, — говорит доктор Танненвальд. — Раз в несколько дней какой-нибудь российский чиновник недвусмысленно угрожает ядерным ударом». Одним только стремлением к эффектной риторике такое поведение не объяснить — заявления отражают образ мысли. Российский дипломат Борис Бондарев, сотрудник постоянного представительства России при ООН в Женеве, подал в отставку 23 мая, потому что ему «никогда не было так стыдно за свою страну» из-за вторжения в Украину. Журналистам *New York Times* Бондарев сказал, что больше всего его возмущала беспечность, с которой его коллеги — и не просто коллеги, а специалисты по контролю над вооружениями — предавались рассуждениям о ядерной войне. «Они думают, что если нанести ядерный удар по какой-нибудь американской деревне, то американцы тут же перепугаются и бросятся на колени, прося пощады, — говорил Бондарев. — Так думают многие из наших, и я опасаюсь, что такие идеи они транслируют в Москву».

Сложная комбинация из нормативных документов, договоров, взаимных гарантий, уговоров, морального воздействия, технических механизмов, страхов и табу, которая с 1945 года спасала мир от применения ядерного оружия против армий и

городов, со временем становилась все более шаткой и ненадежной. К тому моменту, когда президент России Владимир Путин 24 февраля предупредил мир о том, что третьи лица, стоящие на пути России, рискуют «последствиями… каких вы не видели за всю свою историю», практически все договоры в данной сфере, заключенные Россией и США, истекли.

Россия к тому моменту уже занималась разработками нового оружия, на которое не распространялись действующие соглашения, включая тот самый «Посейдон»; ядерный арсенал Китая быстро расширялся. Что касается нераспространения ядерного оружия, то десятилетия международного давления не смогли помешать Северной Корее сначала создать ядерную ракету, а затем усовершенствовать ее и расширить диапазон целей, против которых ее можно использовать.

Единственным важным соглашением о нераспространении за последнее десятилетие стала иранская ядерная сделка[1], по которой Иран согласился ограничить свою ядерную программу в обмен на снятие санкций. Впрочем, и ее судьба повисла на волоске[2], а Исламская Республика оказалась как никогда близка к созданию бомбы. А отсутствие прогресса по переговорам о разоружении США, Великобритании, Китая, Франции и России — участников Договора о нераспространении ядерного оружия — продолжало размывать легитимность миропорядка, этим договором скрепленного.

Заседание Североатлантического совета в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, 16 июня 2022 года. Фото: Olivier Matthys / AP

Вторжение в Украину подорвало стабильность этой системы еще сильнее. Пока Россия ведет захватническую войну, а члены НАТО поставляют Украине все более мощное оружие для отпора, фоном постоянно маячит невысокий, но реальный риск эскалации, которая подтолкнет воюющие стороны к тому, чтобы переступить ядерный барьер. Есть и другое соображение: что, если дела у Путина пойдут совсем плохо (а унизительное поражение его армии стало бы для многих стран НАТО предпочтительным исходом конфликта) и он использует ядерное оружие, чтобы переломить ход войны в Украине? По этой логике он может предпочесть применение ядерного оружия уничтожению армии и потере Крыма.

Насколько эти соображения реалистичны и как снизить такие риски — сегодня это предмет ожесточенных споров. Президент Франции Эммануэль Макрон предостерегает от «унижения» России. Официальные лица Польши и других восточноевропейских стран в один голос с британцами заявляют, что Германия, Италия и Франция преувеличивают риски эскалации конфликта. Но влияние этого конфликта на ядерный миропорядок не ограничивается вопросом о том, будет ли сейчас применено ядерное оружие. Проблема в том, что само появление этих рисков имеет нормативное и символическое значение, которое государства будут учитывать при принятии

решений в будущем. Само восприятие ядерного оружия в мире меняется. Доктор Танненвальд считает, что поведение России «наносит серьезный ущерб ядерному табу».

Ущерб, надо признать, наносится не впервые, и ситуация была далека от идеальной до этого. Когда в 2017 году Северная Корея испытала межконтинентальную баллистическую ракету, способную долететь до США, Дональд Трамп — президент, которому было недосуг переживать из-за каких-то там табу, — пригрозил Северной Корее «громами и молниями, каких мир еще не видел». Годом позже Ким Чен Ын предупредил мир, что ядерная кнопка у него «всегда под рукой», и услышал в ответ от Трампа, что его кнопка «намного больше». На предвыборном митинге в 2019 году премьер-министр Индии Нарендра Моди посмеялся над властями Пакистана, которые считают ядерное оружие «сдерживателем» Индии. «И что теперь? — издевательски ответил он. — Храните его для праздника огней Дивали?».

Допустимость такой бравады связана с общими переменами в тоне политических дискуссий, произошедшими за последнее десятилетие, утверждают исследователи Оливер Майер и Марен Вилуф из Гамбургского университета. Они считают, что популистские лидеры националистического толка, к которым причисляют Путина, Трампа и Моди, чаще склонны к безответственным заявлениям о ядерном оружии. Здесь могут накладываться друг на друга их показная мужественность, желание перехватить внимание публики и тяга к запретному, которая свойственна современным

интернет-эджлордам[3], и в целом присущее таким лидерам презрение к мнению международного сообщества. Серьезнее всего к ядерному табу относятся политические элиты, а для политика вроде Трампа сам этот факт уже становится поводом для недоверия.

«Свободная дискуссия [вокруг ядерного оружия] в глазах многих принижает серьезность табу на его использование, — считает политолог из Стэнфордского университета Скотт Саган. — Сейчас в *Wall Street Journal* можно встретить рассуждения о ядерном превосходстве и возможности выиграть ядерную войну — лично мне это кажется диким. Если такое пишут в массовых изданиях, это не может не влиять на общественное мнение». Когда в начале 1980-х члены администрации Рональда Рейгана заговорили о победоносной ядерной войне, это вызвало всеобщее возмущение. Сегодня подобной реакции что-то не видать.

Возможно, причина в том, что время притупляет память. За исключением британской королевы Елизаветы II, сегодня у власти по всему миру нет тех, кто в достаточно зрелом возрасте слушал бы новости о Хиросиме и Нагасаки. Даже не по годам развитым детям, которым передавался ужас родителей во время Карибского кризиса, сейчас уже глубоко за 60. Тени холодной войны, в которых выросло ядерное табу, начали рассеиваться после того, как Рейган и Горбачев пришли к соглашению о том, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителя». С тех пор прошло уже три десятилетия.

Жители КНДР смотрят на запуск баллистической ракеты «Хвасон-12» в Пхеньяне, 30 августа 2017 года. Фото: Kyodo / Reuters

Важно и то, что нарушение запрета на применение химического оружия, который в отличие от ядерного табу закреплен в международном праве, обходится его нарушителям куда меньшими потерями, чем подразумевалось. Башар Асад применял его в гражданской войне в Сирии, но до сих пор остается у власти; агенты-отравители из России и КНДР тоже использовали боевые вещества. Когда запретное оружие используют там, где можно было бы легко обойтись чем-то менее серьезным, все понимают, что нарушение этого табу само по себе является сигналом миру.

Возможно, люди по всему миру никогда и не относились к ядерному оружию с такой же опаской, как их лидеры. Президент Джордж Буш — старший в приватных беседах исключал всякую возможность применения ядерного оружия в войне в Персидском заливе, но в публичных заявлениях на эту тему оставлял формулировки более расплывчатыми. При этом 28% американцев говорили социологам, что они не против использования тактического ядерного оружия малой мощности в Ираке. Среди тех, кому интервьюеры пояснили, что таким образом можно сохранить жизни американских солдат, готовых одобрить удары оказалось уже 45%.

Подобные настроения, похоже, распространены и сегодня. В 2017 году Скотт Саган провел

вместе с коллегой из Дартмутского колледжа Бенджамином Валентино эксперимент. Группе испытуемых сказали, что иранские военные потопили американский авианосец, в ответ США вторглись в Иран, чтобы свергнуть правительство, но вторжение застопорилось. Стоит ли американцам сбросить ядерную бомбу на город Мешхед, чтобы «посильнее напугать» иранские власти и заставить их сдаться? Подавляющее большинство ответило положительно. Жизни огромного числа мирных иранцев — до двух миллионов — оказались приемлемой ценой за то, чтобы избежать гибели 20 тысяч американских военных. Стоит отметить, что, *mutatis mutandis*[4], это все очень похоже на сценарий, в котором Путин может использовать ядерное оружие, чтобы запугать Украину, если ей удастся добиться решающего преимущества на поле боя.

В феврале этого года авторы исследования опубликовали вместе с Джаниной Дилл из Оксфордского университета обновленную версию, в которой показали, что за пределами Америки дела обстоят столь же скверно. Большинство или близкое к нему число опрошенных в Великобритании, Франции и Израиле поддержало использование ядерного оружия в конфликтах с неядерными странами, если оно окажется более эффективным, чем обычное.
О вещах, которые люди однозначно считают табуированными, так легко не рассуждают. «Люди не будут заниматься каннибализмом, когда слегка проголодались. Напротив, они сопротивляются этой мысли до тех пор, пока не окажутся на грани голодной смерти, — пишут авторы. — А вот готовность публики прибегнуть к ядерному оружию растет, причем тем

стремительнее, чем большей эффективности от него ожидают».

Надо понимать, что эта предполагаемая эффективность никак не связана с потребностями военных на поле боя. Сильнейшие в мире армии едва ли нуждаются в боевом применении ядерного оружия. Его уникальность в том, что им можно угрожать целым городам, ставить под угрозу жизни десятков и сотен миллионов человек одновременно. В этом кроется его стратегическая ценность.

Тем не менее в последние годы интерес к тактическому, то есть ограниченному по мощи, ядерному оружию вновь стал расти. По иностранным оценкам, у России таких зарядов около двух тысяч. Мощность авиабомб из сравнительно небольшого арсенала, который США держат в Европе, можно сократить до очень низкого уровня. В 2020 году США приняли на вооружение *W76-2*, боеголовки малой мощности, предназначенные для установки на баллистические ракеты, пускаемые с подводных лодок.

Официальное объяснение необходимости таких боеголовок — возможность «симметричного» ответа на случай, если Россия применит тактическое ядерное оружие. Из этого можно сделать вывод, что в современном мире применение ядерного оружия — вопрос ответного месседжа, его могут использовать только потому, что оно ядерное — возможно, из соображений, что общество будет требовать ядерного ответа на ядерную атаку и не будет готово довольствоваться чем-то «меньшим». Это уже не табу, а его противоположность.

Война меняет отношение людей к ядерным вооружениям не только там, где они имеются. Их отсутствие тоже играет важную роль. Когда в 1991 году распался Советский Союз, треть его стратегического ядерного арсенала и основная часть ядерного промышленного комплекса остались на территории Украины. Однако у властей Украины не было контроля над системами управления запуском ракет. Без масштабных инвестиций Украина не могла поддерживать боеспособность ядерного арсенала, говорит Мариана Буджерин из Гарварда, у которой на эту тему сейчас выходит книга. У Украины тогда даже близко не было врагов с ядерными ракетами, поэтому она отказалась от такого наследства, получив взамен заверения США, Великобритании и России в незыблемости границ и полной безопасности.

Разрушенный торговый центр в Киеве, 29 марта 2022 года. Фото: Mykhaylo Palinchak / SOPA Images / Sipa USA / Reuters

Война пробудила фантазию у множества любителей альтернативной истории, которые принялись гадать, как бы все сложилось, если бы Украина сделала другой выбор. Что ж, это было бы непросто. Экономика Украины в 1990-х годах была в ужасном состоянии, говорит доктор Буджерин, страна нуждалась в помощи Международного валютного фонда и Всемирного банка — помощи, которая могла не прийти, если бы власти решили вложить значительные средства в производство ядерных материалов для поддержания собственного ракетного арсенала. Россия была бы в ярости, да и НАТО, пожалуй, тоже.

Не следует забывать о еще одном важном факте: ядерное оружие не дает стопроцентной защиты от агрессии. В 1973 году Египет и Сирия напали на Израиль, в 1982 году Аргентина ненадолго захватила Фолклендские острова[5], а в 1999 году Пакистан предпринял вторжение в округ Каргил в индийском штате Джамму и Кашмир. Не факт, что ядерный потенциал Украины смог бы удержать Россию от агрессии, возможно, вооруженный конфликт вспыхнул бы еще раньше.

Тем не менее многие считают, что ядерные державы по крайней мере могут не опасаться нападений, ставящих целью оккупацию всей страны или смену режима, а не захват окраинных пустынь, островов или гор. Действительно, как заметил Герман Бонди, в прошлом главный научный советник британского министерства обороны, ядерное оружие дает таким странам принципиальное преимущество: никто не может загнать их в угол.

Несомненно и то, что страны, опасающиеся своих соседей, сейчас пристально наблюдают за развитием событий. Они уже сделали выводы из судеб Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи, отказавшихся от военных ядерных программ. Особенно смерти этих лидеров выделяются на фоне безнаказанности Ким Чен Ына, у которого ядерное оружие есть. Теперь политические силы в Южной Корее или Японии, которые стремятся к созданию или размещению ядерного оружия, будут действовать смелее. Неслучайно бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ всего через несколько дней после начала российского вторжения призвал подумать, не последовать ли примеру европейских союзников США, размещающих у себя американское ядерное оружие.

Ядерные державы тоже извлекают уроки из происходящего, осознавая, какое пространство для маневра обеспечивает им ядерный арсенал. Важнейшей отличительной чертой этой войны является даже не наличие у агрессора ядерного оружия и не угроза его применения, а откровенность, с которой эти угрозы используются, чтобы заставить страны, не вовлеченные в конфликт, оставаться в стороне. Действенность такого подхода может подтолкнуть Китай к его использованию для разрешения кризиса вокруг Тайваня. Новое пространство свободы, открывшееся ядерным державам, а заодно и странам вроде Ирана, которые близки к получению собственной бомбы, подтолкнет тех, у кого ядерного оружия нет, к все более активным действиям по его обретению.

Сейчас надеяться на действенность контроля над вооружениями, увы, не приходится. Быть может, если бы ядерные державы, подписавшие Договор о нераспространении ядерного оружия, сделали какие-то шаги в сторону разоружения, это помогло бы закрепить неприятие немирного атома. Но этого не произойдет. Америка не хочет ограничивать себя в вопросах противоракетной обороны, чего так хотели бы Россия и Китай. Для новых вооружений, таких как гиперзвуковые планеры и подводные дроны, установленных норм контроля не существует. Китай, похоже, твердо намерен сократить разрыв с Америкой по числу боеголовок. А Россия полагается на свое ядерное оружие как никогда уверенно.

Ущерб, который война нанесла состоянию и репутации российских вооруженных сил, «возвращает нас в конец 1990-х», говорит Кристен Вен Брусгор из Университета Осло. Тогда «неядерные вооруженные силы находились в особенно тяжелом положении, и российские стратеги поговаривали о том, что России в случае чего придется прибегнуть к ядерному оружию на самой ранней стадии конфликта с НАТО».

Таким образом, вопрос о том, кто победит в Украине, приобретает еще одно дополнительное измерение, которое изменит мир. «Ценность ядерного оружия как политического инструмента зависит от исхода этой войны», — утверждает доктор Буджерин. Если Украина с помощью западного оружия победит и вернет территории, потерянные после 24 февраля, «возможно, мир придет к выводу, что ядерное оружие нужно только кровавым диктаторам, терзающим народы, но по большому счету оно бесполезно». Если

же Украина будет побеждена и расчленена, дело может обернуться куда хуже: «Мир выйдет из войны с вопросами, требующими глубокого осмысления, и с крайне болезненным осознанием той роли, которую ядерное оружие играет в мире».

Автор: редакция журнала Economist

Перевод: Мария Портянская

Оригинал: *“Russia’s invasion of Ukraine has eroded the nuclear taboo”; The Economist, June 2*

© 2022, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under licence. The original content, in English, can be found on www.economist.com

1. «Совместный всеобъемлющий план действий», подписанный в 2015 году Ираном с одной стороны и группой государств — США, Россией, КНР, Великобританией, Францией и Германией — с другой.
2. В 2018 году президент США Дональд Трамп объявил о выходе США из соглашения, подписанного его предшественником Бараком Обамой, после чего Иран приостановил выполнение части договоренностей.
3. От английского edgelord, что можно перевести как «мастер игры с границами допустимого». Так называют интернет-пользователей, которые демонстративно отрицают общественные нормы и в попытке шокировать публику нарушают разнообразные табу.
4. С учетом различий между ситуациями.
5. Хотя фактически острова контролирует Великобритания, аргентинцы по-прежнему оспаривают их принадлежность и называют их по-своему — Мальвинскими. Журнал Economist — британское издание.